

«НЕДЕЛЯ» СО «ЗВЕЗДОЙ»

Таинственные игры Эдварда Радзинского

Я бы не хотел, чтобы здесь был жалкий налет жалкой мистики, который сейчас присутствует всюду. Это не мистика. Это нормальный результат усилий мозга.

Неделя. — 1996. — № 11. — С. 6.

Объясняя, как к нему пройти, он так увлекся деталями, что, конечно, я чуть было не перепутал дверь, а заодно и улицу, город и век. Старопименовский переулочек — временный адрес писателя Радзинского, в его постоянной квартире — ремонт. Об этом он предупредил еще по телефону, но, как ни странно, кабинет Эдварда Станиславовича меньше всего напоминал о походно-полевых условиях. Скорее наоборот — «рай в шалаше». Здесь хочется невоспитанно вертеть головой: антикварная мебель... картины... фотографии... золото на кожаных переплетах... А если бы на столе не трещал телефон и не мерцал экран лэптопа, за которым хозяин работал до моего прихода, я бы решил, что зашел... ну, скажем, к Герцену.

— Чужие стены сильно действуют вам на нервы?

— Всю жизнь я старался избегать собственности. Для простоты. У меня нет дачи. Автомобиль «Жигули» — девятилетней давности. Когда я попытался поменять его на иномарку, она тут же оказалась негодной, с ней были тысячи проблем, несмотря на то, что она новая. Я понял, что наказан. И я возвращаюсь к своим обычным привычкам — не иметь. Что очень удобно в условиях этой временной жизни. У меня нет огромной квартиры — крохотная двухкомнатная. Там двадцать лет не было ремонта, и на меня просто упал потолок.

— Надеюсь, вы не пострадали?

— Он попал мне на стол, к счастью. Я понял, что пора ремонтировать... Это нормальный быт нормального человека, который не занимается бытом.

— А кто же следит за ремонтом?

— Жена. Она защитила меня от этого. Не погружаться в быт — единственное, что я могу себе позволить. Это меня никогда не интересовало... Жизнь — быстрое путешествие, и человек обязан, я во всяком случае так считаю, заниматься теми вещами, которые ему интересны. Обычно их называют работой, а на самом деле это называется жизнью.

— Что вас удерживает в ней, Эдвард Станиславович?

— Я не точно знаю, что ждет меня на том свете, а на этом мне неплохо. Я всегда занимался тем, что меня интересовало. Интересовали пьесы, пока я ими занимался, интересуют книги, когда я их пишу, интересуют телевизионные передачи, и только поэтому я ими занимаюсь. Я никогда ничего не делал потому, что это было кому-то надо! Все, что я делал, надо только мне. И когда случилась замечательная перестройка, мне не пришлось оправдываться: «Вот эти вещи я писал потому, что...» Не было ни одной работы, которую я написал «потому, что...»!

Были пьесы про любовь, были исторические. У всех — нормальная история. «Беседы с Сократом» запрещали шесть лет, «Лунина» — три года. Сейчас все это крайне смешно и никому неинтересно. Я платил временем за то, что делал то, что я хотел. И никаких претензий к ушедшей власти у меня никогда не было, я, наоборот, всегда удивлялся ее долготерпению.

— Почти как у Высоцкого — «скажи еще спасибо, что живой»?!

— Да. Например, «Беседы с Со-

кратом» запрещались справедливо — они ассоциировались с вещами, запрещенными в то время, с Солженицыным, Сахаровым, со всеми судами народа над Синявским и Даниэлем. Поэтому шесть лет артист Джигарханян приходил в театр и репетировал... И эти условия игры я принимал абсолютно. И считал их крайне справедливыми.

— Что же тут справедливо?

— А я не обслуживал эту власть, потому и не имел никаких к ней претензий, когда она не осуществляла по отношению к писателю Радзинскому политику наибольшего благоприятствования. Все было правильно, обе стороны были довольны.

По оценкам зарубежной прессы, Радзинский — после Чехова — самый ставящийся на Западе русский драматург. Однако в последнее время Эдвард Станиславович уделяет театру все меньше и меньше внимания. Некогда «жалкий студент историко-архивного института», он проливает свет на темные страницы российской истории в своих документальных книгах и цикле телепередач «Загадки истории».

— Драматург Александр Галин признался не так давно, что решил стать режиссером по экономическим соображениям: вот уже несколько лет он ничего не получал за свои пьесы не только от отечественных театров, но и от многих зарубежных. А вас на ТВ привел материальный интерес или что-то другое?

— Есть одна вещь, которую я понял недавно... мне даже жалко рассказывать. Я долго никак не мог разобраться: почему мне так хочется этих телепередач?

Для меня они как бы маленькие пьесы, избавляющие от потрясающей тяжести писать большую и одновременно дающую возможность быстро менять тему. Калейдоскоп тем! Казанова, Моцарт, Иван Грозный, Чаадаев, княжна Тараканова, сейчас — Распутин. Я рассказываю то, что меня интересует сегодня. Если вы долго пишете пьесу, вы рассказываете то, что вас мучило, когда вы ее начали. На теле-

видении я получил пленительную возможность рассказывать все, что меня мучит сейчас.

Очень смешно, но главный эффект этих передач — это эффект присутствия. Самое интересное — я практически все вижу! Я вижу все, что рассказываю.

— Вы видели Моцарта и Распутину?

— И поэтому страшно опасался снимать в реальных интерьерах, боялся — картинка уйдет, столкновение с реальностью спугнет воображение. Воображение — это главный мой ло-

зунг — реальной реальности. И я с замешательством ехал в Юсуповский дворец.

Распутин... Этот таинственный человек, который остался там в подвале в виде восковой фигуры — работа, которую скульптор не может повторить. Он много раз пытался, но не может повторить глаза. Эта ужасная фигура, череда великолепных комнат. Дворец выплывает из небытия, как обломок затонувшей Атлантиды... И очень боялся, что это исчезнет, а что останется без этого — я не знаю, потому что игры ума для телевидения маловато.

Получилось все наоборот, картинка стала такой ясной, я так это все видел, что впервые моя группа поняла, что я все вижу, и кто-то даже высказал вслух. И когда картинка исчезала, я прекращал рассказ.

— Подготовка к съемкам занимает «один час и всю жизнь»?

— Смысл и прелесть в том, что я ни в коем случае не должен ничего перечитывать, рассказываю только то, что знал раньше. Чтение источников — это конец, передача станет «исторической», перестанет быть исследованием, путешествием внутрь темы, путешествием туда... Я бы не хотел, чтобы здесь был жалкий налет жалкой мистики, который сейчас присутствует всюду. Это не мистика. Это нормальный результат усилий мозга. И еще некоторая театральная привычка. Потому что любой драматург — Булгаков это замечательно описывает — трагичен. Он пишет только реплики, а картинка, которая стоит перед его глазами, уходит в могилу вместе с ним, потому что режиссер берет эти реплики и, как правило, одевает их в совершенно другую картинку. Драматург пишет одну пьесу, режиссер ставит другую, а зритель смотрит третью. На телевидении я впервые могу передать свою картинку. Я получил возможность ставить свою пьесу. Вообще это очень забавный ход — рассказывать, а потом писать, я начинал наоборот. Сейчас сначала рассказываю.

— Но ведь тот же Распутин есть в вашей последней — царской — книге...

— Это не совсем то. Книга, о которой вы сказали, это большая длинная драма революции. Там есть действующие лица, театрально выстроенный сюжет, есть жанр — детектив. И там есть идея о прощении. И поэтому в передаче для меня было важно сохранить идею не-обвинения. Не-зла. Больше всего меня пугает агрессия. Агрессия на телевидении — ужасна. Людей нельзя убедить, крича на них. Их можно убедить только любя.

Я рассматриваю телепередачи не как исходный материал, а как трактовку. Передача — первая трактовка темы, потом начинается самое замечательное, потому что литература — это слово. У меня нет затруднений с речью, камера мне не мешает. В прозе начинается борьба со словом, и та легкость, которая есть в разговоре, начинает мешать. Для меня нет телевидения, есть работа, которой я всегда занимался, под названием драма.

Влад ВАСЮХИН

■ Окончание следует.